

НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ ЗИМОЙ – ВЕСНОЙ 1920 Г.

Новосибирское высшее военное командное училище
РФ, 630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49
Сибирский университет потребительской кооперации
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН, e-mail: kwladislaw@yandex.ru ([подробнее](#)).

Статья посвящена анализу крестьянских настроений в деревне Сибири зимой – весной 1920 г. На основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов анализируются отношение крестьян к Советской власти, коммуне и коммунистам. Показаны формы протеста крестьян против продовольственной политики Советской власти. Особое внимание уделено критическому рассмотрению информации разного рода сводок о настроении сибирской деревни. Выявлены основные и второстепенные причины, определявшие настроения сибирских крестьян. Автор решает проблему объективных и субъективных предпосылок вооружённых выступлений крестьян против Советской власти. В статье делается вывод о том, что настроения крестьян в основной массе не были анархическими, антисоветскими или контрреволюционными. Крестьяне выступали не против Советской власти, а против военно-коммунистических методов в деревне.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, «военный коммунизм», продразвёрстка, «Крестьянский союз», крестьянские восстания, коммуна, анархизм.

Vladislav Kokoulin

Moods of the peasants of the Siberian village in the winter – spring of 1920

Novosibirsk higher military command school
Russian Federation, 630117, Novosibirsk, Ivanova street, 49
Siberian University of consumer cooperation
Russia, 630087, Novosibirsk, Marx avenue, 26

The article is devoted to the analysis of peasant moods in the village of Siberia in the winter and spring of 1920. On the basis of documentary materials first introduced into science, the attitude of peasants to the Soviet government, communes and communists is analyzed. The forms of peasants' protest against the food policy of the Soviet government are shown. Special attention is paid to the critical review of information of different kinds

of reports about the moods of the peasant of the Siberian village. The main and secondary reasons that determined the mood of the Siberian peasants were identified. The author solves the problem of objective and subjective preconditions of armed actions of peasants against the Soviet power. The article concludes that the mood of the peasants in the main mass was not anarchic, anti-Soviet or counter-revolutionary. The peasants did not fall against the Soviet government, but against the military-communist methods.

Keywords: Siberia, peasants, “military communism”, requisition of food, “Country union”, peasant uprisings, commune, anarchism.

Советская историография сибирской деревни в период «военного коммунизма» основное внимание уделяла основным группам населения деревни (которые делились на «кулаков», «середняков», «бедняков» и «батраков») и их различному отношению к мероприятиям Советской власти, в том числе к продразвёрстке. При этом изучалась не столько реальная история, сколько идеологические штампы советской пропаганды – «кулаки» были против «продразвёрстки», «середняк» колебался, а «бедняки» и «батраки» были проводниками коммунистического влияния в деревне после окончания Гражданской войны.

Современные исследователи, в основной массе отказавшиеся от искусственного выделения классов в сибирской деревне, пристальное внимание стали уделять крестьянским мятежам и отношению крестьян к сбору продразвёрстки. Но при этом в этих общекрестьянских интересах практически исчезла разница по отношению к мероприятиям Советской власти различных групп внутри крестьянства, а также бывших красных партизан и тех, кто добровольно или принудительно служил белому режиму.

Между тем, значительное количество источников различного происхождения позволяло уже в советские времена дать достаточно полную и динамичную картину настроений различных групп сибирской деревни. Изучение их тем более важно, потому что оно позволяет дать ответ на актуальный в настоящее время вопрос: была ли база для массового повстанческого движения в сибирской деревне после окончания Гражданской войны?

Проанализируем сперва отношение различных групп сибирской деревни к власти, выявив основные факторы, повлиявшие на изменение представлений крестьян о Советской власти. Так, источники свидетельствуют, что крестьянство Сибири встречало Красную Армию с надеждой на избавление от реквизиций и репрессий со стороны колчаковских властей, рассчитывая, что новая власть будет напоминать Советскую власть зимы 1917 – весны 1918 г. когда в деревне практически не собирались никакие налоги и сборы, а также наладит нормальный товарообмен города и деревни. Напомним, что после разгрома белых не было единой системы органов власти в сибирской деревне – сохранялись партизанские штабы, преобразовывавшиеся в исполкомы или ревкомы, создавались Советы по образцу весны 1918 г., кое-где действовали земства. Всё зависело от конкретных условий, в которых оказывалась та или иная местность во время Гражданской войны и после её окончания. Вся эта система воссоздавалась снизу. Однако новая власть резко ограничила самостоятельность крестьян в формировании органов власти. С приходом частей Крас-

ной Армии все самодеятельные Советы и исполкомы на уровне уезда и волости распускались, а на их место назначались ревкомы. Самодеятельные органы власти, созданные крестьянами, сохранялись лишь в деревнях и сёлах ¹.

Между тем крестьяне считали, что органы власти должны быть не «назначаемыми», а выборными (в этом, конечно, действовала и общинная традиция, и опыт Советской власти весны 1918 г.). Так, 27 декабря 1919 г. информационно-инструкторский подотдел отдела управления Новониколаевским уездом сообщил в Чаусский волостной ревком: «Информационно-инструкторский подотдел при отделе управления Новониколаевского ревкома, узнав, что граждане Чаусской волости (самовольно. – зачёркнуто в тексте – *В.К.*) собравшись на собрание 25 декабря переизбрали волостной ревком, организованный на собрании 16 декабря в присутствии организаторов Советской власти Мизеева и Бурдина, полагает действия собрания 25 декабря незаконными, а потому предписывает Чаусскому волостному ревкому, избранному 16 декабря, дел новому ревкому не сдавать и приступить к исполнению своих обязанностей. Граждане Чаусской волости могут переизбрать свой ревком только в присутствии инструктора, командированного подотделом, который в скором времени к вам будет командирован» ².

Логика действий самих крестьян вполне понятна – власть в деревне должна принадлежать крестьянам, они её выбирают и она является выразителем их интересов как в самой деревне, так и в отношениях с уездными властями. Логика действий губернских и уездных властей также ясна – им нужна была прочная опора в деревне, а для этого были нужны «свои» органы власти. Отступления от этого принципа, по мнению представителей новой власти, могли привести к «анархии». Но, в то же время, она была вынуждена идти на определённые уступки крестьянам, допуская созыв крестьянских съездов (под контролем со стороны власти, разумеется) и выборы на них органов власти. Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в конце января 1920 г. в Каменском уезде Алтайской губернии. 26–27 января на заседании съезда участковых комиссаров Каменской уездной советской рабоче-крестьянской охраны обсуждалась борьба в уезде с пьянством и анархией, которые по заявлениям выступавших являются «плодом подпольной агитации тёмных элементов». Комиссары участков один за другим заявляли, что крестьяне отказываются подчиняться распоряжения высших органов, ссылаясь на то, что «власть на местах». Следует отметить, что крестьян поддерживали красноармейцы, вернувшиеся домой с фронта. После обсуждения была принята следующая резолюция: «Принимая во внимание, что главная причина анархии, растущей в районе уезда, является преимущественное промедление в созыве уездного крестьянского съезда, многими обществами уже бросаются упреки уездным властям, что там засели самозванцы, которые не имеют законного права приказывать, отказываются выполнять распоряжение высших органов и нам как проводникам в жизнь распоряжений высших правительственных органов, эта работа с каждым днём становится непосильнее и дальнейшая затяжка в организации крестьянского съезда будет являться залогом волны

¹ См., например: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1920 г.). Новосибирск, 2013. С. 263–267.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1546, оп. 1, д. 2, л. 70.

абсолютной анархии в уезде <...> просим уездный ревком о скорейшем созыве крестьянского съезда, как представительного народного органа»³.

А что касается пьянства, что и было главным предметом обсуждения на съезде, то участковым комиссарам предписывалось требовать прекращения выгонки самогонки и уничтожить конфискованный в деревне алкоголь в соответствии с приказом № 14 уездного ревкома.

Попытки властей препятствовать выгонке самогонки однозначно воспринимались крестьянами как ущемление их прав, трансформируясь в требование самим выбирать себе власть, которая не будет бороться с самогоном. В упомянутом выше Каменском уезде крестьяне в Романовской и Завьяловской волостях на сходах решили, что они могут гнать и пить самогон. Когда же Каменская уездная охрана попыталась уничтожить самогонные аппараты, крестьяне дружным фронтом выступили против охранников, заявляя, что «уездная администрация нами не выбиралась, а потому приказывать нам они не имеют права, а уездных охранников мы не просили и управляться можем сами». Когда же охрана попыталась конфисковать оружие в селе Романовском, то вернувшиеся с фронта красноармейцы дружно воспротивились этому, ссылаясь на то, что легендарный партизанский командир Е.М. Мамонтов «издал приказ о мобилизации людей до 54 лет для того, чтобы вести войну с российскими коммунистами». Причём эти заявления были с удовлетворением восприняты крестьянами села⁴.

Речь идёт, напомним, о районе, где ещё недавно формировалась и действовала партизанская армия и ещё были живы традиции партизанского самоуправления. Разумеется, это не было анархией, то есть полным безвластием. Напротив, порядок был, власть была, ей все подчинялись, у неё была и сила принуждения в лице бывших партизан. Не желали подчиняться только вышестоящим властям. Именно об этом 30 января 1920 г. Каменский уездный ревком сообщил в Барнаульский губернский отдел управления: «В уезде царит, если можно выразиться, полная анархия. Никто никому не хочет подчиняться и слушать благоразумных советов и распоряжений, исходящих от высших органов власти <...> Разные высшие губернские и центральные распоряжения в уезде не выполняются»⁵.

Далее в этом сообщении следуют известные нам сюжеты о созыве крестьянского съезда, об агитации красноармейцев против коммунистов. «Увещевания не помогают, – с тревогой сообщалось в докладе. – Уезд даже перестал верить своим вожакам – инициаторам восстания. Требуется созыв съезда и удаления присосавшихся к власти врагов народа, бывших белых бандитов, которые свободно гуляют по городам: Камню, Новониколаевску, Барнаулу, Славгороду <...> Если не принять серьёзные меры к ликвидации этого, т.е. созыву крестьянского съезда, – уревком будет вынужден покинуть свои посты и удалиться пока не вынесен на “крестьянских пиках” населением повстанческой местности»⁶.

³ Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 78, л. 1.

⁴ Там же. Ф. П-5, оп. 1, д. 78, л. 13.

⁵ Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 78, л. 14.

⁶ Там же.

Похожие настроения фиксировались и в других повстанческих местностях. Нескольким спокойнее отнеслись к назначению власти сверху в тех районах, где партизан не было. Вот данные из отчёта инструктора Пономарёва в Курганский ревком в декабре 1919 г.

«Сычёвский волревком: Работа волревкома протекает слабо. Ощущается недостаток технических работников, а также и то, что члены ревкома не отличаются особой энергией и навыком к работе, не умея разрешать возникающих иногда недоумений и обладая малыми общими знаниями. Культурные силы к работе не привлекаются, имеющиеся библиотеки и вся литература лежит бесполезно, не используется как должно. Изб-читален нет, и не ведётся никакой культурно-просветительной работы. Население ничем не интересуется, кроме своих личных дел. Например, назначенное на воскресенье собрание не могло состояться за малым количеством публики, и мы не могли информировать население».

«Лебяжьевский волревком: Население интересуется всем происходящим и жаждет разъяснений. Но разъяснения инструкторов отдела управления и посылаемых комитетом партии крестьян не удовлетворяют, и в надежде получить обоснованные разъяснения крестьяне явились на устроенное собрание в большом количестве. Сделаны были доклады по текущему моменту, о коммуне и религии. После выслушивания докладов крестьяне благодарили за разъяснения и высказывались в том смысле, что при хорошем всестороннем разъяснении никакое нововведение не покажется страшным. Но пожилые крестьяне во время последующей беседы заявляли, что при привычных формах жизни как-то удобнее»⁷.

Если недовольство новой властью в таких местностях и встречалось, то связано оно было либо с запретом самогонки, либо с отменой закона божьего в школах, либо с «комсиссародержавием» членов ячейки, – сообщал инструктор Пигасов из Фоминской волости Тюменской губернии⁸.

Отметим ещё одну особенность функционирования органов власти на местах – отсутствие возможности для бедняков работать в сельских ревкомах. Об этом, например, говорил на заседании Алтайского губернского оргбюро 17 марта докладчик Коваленко⁹.

В сводке информационно-инструкторского подотдела отдела управления Енисейского губревкома за период с 12 по 29 февраля о настроении населения Ачинского уезда отмечалось: «Обывательщина из-за неэнергичности органов власти, не проснулась от своего глубокого сна. К приказам учреждений относятся инертно. Многие из распоряжений не выполняются»¹⁰.

Итак, новую власть крестьяне встречали где-то настороженно, где-то благожелательно. Хотя, конечно, встречались случаи, что крестьяне выступали или против назначения органов власти сверху, или против конкретного ревкома, но главными проблемами деревенской жизни были отношение к коммуне; непростое и противоречивое отношение к церкви, священнослужителям, церковным обрядам и препо-

⁷ Там же. Ф. Р-1, оп. 1, д. 33, л. 56.

⁸ Там же. Д. 61, л. 101.

⁹ Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 12, л. 67.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1, оп. 1, д. 298, л. 16.

даванию закона божьего; перераспределение земельных и лесных угодий; отношение к бывшим и действующим партизанским вождям, рядовым партизанам и коммунистам.

Посмотрим на сводки, которые составлялись на местах зимой – весной 1920 г. Вот перед нами отчёт начальника Новониколаевской уездной рабоче-крестьянской милиции за февраль 1920 г. В нём достаточно спокойно фиксировалось, что «общее политическое настроение уезда спокойное, но временами замечалось скрытое неудовольствие в отношении массовых принудительных нарядов: по очистке железнодорожных путей от заносов, ежедневных поставок подвод и прочие работы»¹¹.

В отчёте начальника Новониколаевской уездной рабоче-крестьянской милиции с 16 по 23 марта отмечалось: «Общее политическое настроение населения хотя и спокойное, но нельзя обойти молчанием недовольство народных масс на отсутствие по деревням литературы и хороших агитаторов, которые могли бы разъяснить крестьянам значение Советской власти и проводимые ею идеи государственного управления вообще и сельской жизни в частности <...> В некоторых сёлах, благодаря их темноте и под влиянием тайной агитации контрреволюции колчаковцев складывается неправильное понятие о принципах управления Советской власти, как например, мною получены сведения из Сорокамышенской волости, где пущены контрреволюцией среди крестьян слухи, что коммунисты крестьянство посадят на общий коммунистический котёл, куда потянут насильно и произведут национализацию женщин, веря этим слухам, крестьянство к коммунистической партии, не понимая её идей, относится отрицательно»¹².

Аналогичные слухи о том, что крестьян насильно сгонят в коммуны, циркулировали в Енисейской губернии. Так, в губернской сводке за февраль 1920 г. о настроении крестьян в Красноярском уезде отмечалось: «Из-за неправильного понимания слова “коммуна” и коммунистической партии, население некоторых деревень относится к власти недоверчиво (Александровская, Вознесенская, Покровская волости). Такое настроение создалось отчасти из-за нетактичных антирелигиозных выступлений некоторых агитаторов. Наблюдаются отдельные случаи недовольства твёрдыми ценами на хлеб (Тертекская), всеобщей трудовой повинностью (Кускупская) и самочинными действиями фуражиров и воинских частей (Мининская). Крестьяне возмущены тем, что купленный ими зимой для себя хлеб отправили, а теперь они остались без семян (Мининская). Был случай, когда крестьяне прогнали комиссию, приехавшую учитывать хлеб (Нахвальская). Однако несмотря на некоторое недовольство распоряжениями власти чувствуется крупный сдвиг крестьянских масс в сторону Советской власти. По выяснении смысла и значения коммуны недоверчивое отношение к власти проходит. Сплошь и рядом выносятся постановления о поддержке Советской власти, как единственной власти трудового народа (Больше-Муртинская, Мининская, Степно-Баджейская, Тертекская)»¹³.

Алтайский губревком для противодействия подобным слухам издал специальный приказ, в котором требовал от агитаторов и инструкторов «только убеждать и доказывать в пользу объединения крестьян в коммуны», но ни в коем случае «не

¹¹ Там же. Ф. Р-1141, оп. 1, д. 26, л. 32.

¹² Там же. Л. 43.

¹³ Там же. Ф. Р-1, оп. 1, д. 298, л. 1.

давать приказов или принуждать к вынесению постановлений об объединении крестьян в коммуны». Если же такие случаи всё же произойдут, то губревком приказал волостным и сельским ревкомам отбирать мандаты «у неумелых или недобросовестных агитаторов» и отправлять их в отдел управления губревкома. Если же агитатор действовал без мандата, то его предписывалось доставлять в губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией. Таким же образом следовало поступать со всеми, кто распространял ложные слухи, «возмущающие и тревожащие население»¹⁴.

Стоит однако отметить, что коммуна крестьян всё же интересовала наряду с другими политическими темами, информация о которых циркулировала среди населения, но точных знаний не было. Вот, к примеру инструктор Т. Андреев, посетивший Шипуновскую волость Змеиногорского уезда Алтайской губернии в январе 1920 г., отмечал: «Главный интерес у крестьян вызывали (судя по задаваемым вопросам): Как организована Красная Армия? Почему на командные должности назначаются бывшие офицеры? Как поступить с бывшими предателями, которые служили Колчаку и предали крестьян? <...> Что такое коммуна и как она организуется? Где бывший царь Николай II и Учредилка?»¹⁵.

Вопрос о коммуне возник и у крестьян Нижне-Телеутской волости. Но, если судить по сообщению инструктора А.Н. Леончикова, крестьян больше интересовало другое. Воспроизведём соответствующий фрагмент из этого сообщения: «В Нижне-Телеутской волости настроение населения было плохое, но после митинга, объяснив им программу партии коммунистов-большевиков и устройство производительной коммуны, крестьяне были немного успокоены, но не согласны, что не стали преподавать закон божий в школе, а даже требовали, чтобы преподавали закон божий в школе»¹⁶.

Дополняют картину сообщения в Алтайское губернское оргбюро РКП(б) инструкторов Анатолия и Ерушева о поездке по нескольким деревням Алтайской губернии. Вот что они рассказали: «Первый митинг нами был устроен в деревне Бурановой, собралось 200 человек, крестьяне были настроены враждебно, по разъяснению, что такое коммунисты и коммуна, и что коммунисты не собираются в неё записывать, слушали внимательно. Ячейки коммунистов не имеется. Имеется церковный совет во главе с попом. Им ведётся антисоветская пропаганда, особенно против посылки детей в школу. В деревне Чистюньке проведён митинг среди крестьян, сначала также отношение было враждебное. Имеются два школы, не отапливаются, занятия идут плохо. Враждебное отношение к устройству субботников. Проведён митинг среди партизан 3-й дивизии Безголосово. Попали на собрание крестьян. Слушали плохо, кричали против коммуны, едва не побили, но ночью прислали делегацию с извинением. Задавали много вопросов»¹⁷.

Обратим внимание и на упоминавшееся выше сообщение Коваленко: «Есть культурно-просветительские кружки, есть чисто поповские, есть и коммунистические. В партийные ячейки население вступать не желает, говорят, что делёжки поровну

¹⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-9, оп. 1, д. 16, л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 142, л. 4.

¹⁶ Там же. Ф. Р-9, оп. 1, д. 180, л. 22.

¹⁷ ГАНУ. Ф. П-1, оп. 1, д. 12, л. 56, 57.

мы не хотим. В одних сёлах призывают говорить о коммунах, в других наоборот – запрещают. Население совершенно не осведомлено о понятии разделения, что значит сельскохозяйственная производственная коммуна и партийная коммунистическая ячейка <...> Ко всему говорившемуся нами крестьяне придираются, не допускают никакой записи: “не записываешь ли в коммунию?”»¹⁸.

Вот перед нами сводка информационно-инструкторского подотдела отдела управления при Енисейском губревкоме 15 апреля 1920 г. о положении в Минусинском уезде. В ней отмечалось: «Предстоящие весенние работы сильно беспокоят население. Изморённые, измученные лошади не в состоянии будут поднять тяжёлый труд, а, следовательно, площадь посевов может сократиться, а раз так, богатый по урожаю уезд не даст для рынка ничего. Кроме того, крестьяне недовольны отдельными представителями власти, которыми в категорической форме предлагается выносить иконы из школьных помещений, а также не разрешается в свободное от занятий время учить Закон божий, как это было сделано в селе Теси той же воности Минусинского уезда комендантом села»¹⁹.

Итак, мы видим, что проблема организации коммун обсуждается крестьянами в контексте, связанном с обучением крестьянских детей.

Практическое отношение к коммунам было связано с землепользованием. И здесь крестьяне проявляли практичность: они старались воспользоваться новыми условиями в своих интересах, как делали это в предыдущие годы. В докладе Бийского уездного ревкома за вторую половину февраля – первую половину марта 1920 г. отмечалось: «В работах земельного отдела нельзя не отметить одного печального явления, что возникающие сельскохозяйственные коммуны и трудовые артели во многих случаях не носят идейного характера, а инициаторы их имеют главной и едва ли не единственной целью получить вне очереди лучшую землю, лошадей, сельскохозяйственный инвентарь и т.п., а потому приходится относиться с большой осторожностью и осмотрительностью к организации производительных коммун. Бюро коммун при отделе ещё до сих пор не организуется за неимением подходящих лиц, которым можно бы было поручить организацию бюро. Местный комитет партии из своих работников никого дать не может. Все меры к скорейшему сконструированию бюро приняты. Замечается самовольная порубка лесов. Переход крестьянских лесов в общий фонд республики как бы озлобил крестьян, и они бросились безрассудно вырубать вырастающий лес на своих наделах. Для прекращения самовольных порубок при волревкомах созданы комиссии для производства учёта по дворам самовольно порубленного леса как дровяного, так и строевого. Нарубленное сверх предела и крайней необходимости будет отбираться, а лица виновные привлекаться к ответственности и штрафу»²⁰.

До революции перераспределение земель находилось в ведении крестьянской общины. Революция и Гражданская война внесли изменения в эту систему. Проблема перераспределения земель и лесопользования вновь стала актуальной после окончания Гражданской войны. Воспроизведём два фрагмента из сводки по Ени-

¹⁸ Там же. Л. 67.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1, оп. 1, д. 298, л. 36.

²⁰ ГААК. Ф. Р-9, оп. 1, д. 143, л. 122.

сейской губернии за февраль 1920 г. об экономической жизни и настроениях населения в Ачинском уезде: «Неотложная нужда многих деревень уезда – это перераспределение земель. Из доклада уезмотдела видно, что многие крестьяне с нетерпением ждут надления землёй за счёт старожильческих обществ, захвативших солидное количество лучших земель. Приблизительно около одной трети всех обществ уезда требуют более или менее крупных землеустроительных работ. В настоящее время земотдел не может удовлетворить массу поступивших запросов и поэтому не исключена возможность самовольных захватов земель и столкновении между старожильческим и переселенческим элементом уезда»²¹.

В сводке отмечалось, что население отнеслось в целом сочувственно к Советской власти, и даже посылало приветственные телеграммы Красной Армии и центральной власти. Однако крестьяне высказывали и претензии к власти. Так, на крестьянском съезде Северо-Ачинского района, на котором присутствовало 139 представителей (из них 125 сочувствующих, 9 коммунистов и 5 беспартийных), крестьяне возмущались некоторыми решениями власти. Вот что зафиксировано в сводке: «Так, крестьяне изъявляют недовольство по поводу запрещения свободной рубки леса. На митинге в селе Покровском выяснилось нежелание крестьян проводить в жизнь плату 4 фунта за помол одного пуда хлеба на мельнице, из доклада инструктора Сидорова видно, что в четырёх обследованных им волостях крестьяне недовольны проходящими воинскими частями, которые совсем не считаются с условиями ведения сельского хозяйства и угоняют последних лошадей за 80–90 вёрст, что вредит весенним посевам и также организации гоньбового дела»²².

Всё это объяснялось инструктором нетактичными действиями (без предварительной подготовки и агитации) в проведении некоторых декретов новой власти.

Алтайская, Томская и Енисейская губернии в годы Гражданской войны были районами широкого развития партизанского движения. Самые крупные партизанские отряды удалось влить в состав Красной Армии. Однако ещё оставались самостоятельные партизанские отряды, а, кроме того, рядовые партизаны, вернувшись к прежней крестьянской жизни, не забывали тех «навыков», которые они приобрели в партизанском движении и при случае апеллировали к временам, когда они самостоятельно решали свои проблемы.

Так, 17 марта 1920 г. Алтайское губернское оргбюро РКП(б) заслушало доклад агитаторов о работе в Славгороде. Докладчик Деревянко рассказал: «По приезде в Славгородский уезд мы задались целью узнать слабые и тревожные районы. Слабые – Волчиха и Солонька до деревни Каипа. Выяснилось, что в некоторых несознательно-тревожное, в некоторых – опасное и несколько удовлетворительное. Положение этого явления зависит от полного незнания политического положения, а поэтому на положение взгляды наивные. Все те недоразумения, которые возникали между красноармейцами и партизанами, исходили в большинстве от комсостава Красной Армии, где были принимаемы грубо-крутые меры к партизанам, что и испортило их, и то, что без всякого предварительного объяснения, также грубо отобрано было от них оружие. Часть партизан не разоружилась – 11-й полк. Ещё при-

²¹ ГАНО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 298, л. 4.

²² Там же.

чина недовольства партизан – злостная агитация эсеров против коммунистов и производительных сельскохозяйственных коммун <...> Объехали 10 крупных сёл, где были проведены нами митинги. На митинги врывалась масса пьяных. Ужасное пьянство. Были такие факты, там где указывались, как ненадёжные тёмные места, но после объяснения, наоборот, слушалась наша информация населением внимательно. Выносились резолюции за Советскую власть и РКП(б). В некоторых сёлах от резолюций отказались, но сочувствие выразили»²³.

Далее он сообщил следующее: «Воззваний Козыря или приказов мы нигде не встречали. В деревне Кабаньей и Солоновке крестьяне протестуют против разоружения партизан. Не верят воззваниям Мамонтова, говорят: “Не он их писал”. Особенно волнуют население разъезжающие инструктора по молочному делу, принуждающие к сдаче молока крестьянами, на это нужно обратить внимание»²⁴.

Положение крестьян в Восточной Сибири было не лучше. В сводке Енисейской губчека за 1 – 8 мая 1920 г. отмечалось: «В отдалённых деревнях уезда по Енисейскому тракту – Мурте, Миндирле и Барте, циркулируют нелепые слухи о каком-то перевороте и ожидании прихода зелёных. Деньги кроме сороковок и николаевских не принимают. В Миндирле стоит какая-то воинская часть, которая по требованию наряжает из каждого дома девиц на вечерку, крестьяне этими требованиями возмущены. К расследованию приняты меры. По некоторым деревням отношение населения к власти безразличное, говорят: “Нам всё равно, белые или красные – тем давай, и другим давай, а нам ничего”»²⁵.

Начальник 3-го района Новониколаевской уездной милиции 30 марта 1920 г. сообщил: «В селе Сартаковском Федосовской волости крестьяне не принимают хлебной развёрстки, разогнали и переизбрали сельский ревком. Крестьяне, боясь быть наказанными, пригласили к себе в село до полутораста алтайских партизан, которые приняли сторону крестьян, а изолировать главарей и контрреволюционеров из местных крестьян местными силами нельзя. Проверяя эти слухи мной был спрошен по мотивам слухов председатель волревкома Г. Кузнецов и особоуполномоченный губпродкома по развёрстке хлеба Котоховский, которые слухи подтверждают и говорят, что настроение крестьян села Сартаковского слишком контрреволюционно, крестьяне открыто кричат: не дадим коммунистам хлеба, и развёрстки не выполняют. Много разрухи в дело вносят партизаны, расквартированные в окрестностях, которые и стараются внушить крестьянам не давать армии хлеба и не принимать развёрстки. Среди крестьян проглядывает сильная организация в этой области, что видно из того, что когда Котоховский пытался арестовать местных главарей, то моментальным боем в набат сбежались все крестьяне и заявили, что арестовать по одиночке они никого не дадут и предпринимать что-нибудь другое не представляется возможным»²⁶.

Начальник гарнизона Новониколаевска 4 апреля приказал: «Контрреволюционные элементы после разгрома колчаковской армии перенесли свою работу в тёмные углы, в среду малосознательных элементов и там продолжают своё гнусное дело.

²³ Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 12, л. 67

²⁴ Там же. Л. 68.

²⁵ Там же. Ф. Р-1, оп. 1, д. 186, л. 69.

²⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-521, оп. 1, д. 31, л. 40.

За последнее время беззубая контрреволюция имеет некоторый успех среди зажиточного крестьянского населения в районе Новониколаевска, где её поддерживают кулаки, ведущие усиленную агитацию против Советской власти и её распоряжений. Вся эта свора надеется на получение реальной силы со стороны бандитов, именующих себя партизанами, при помощи которых она хочет пойти на станцию Коченёво и другие пункты, чтобы добыть оружие, а затем отправиться на Новониколаевск и учинить расправу над трудящимися сторонниками Советской власти»²⁷.

Обратимся теперь к следующему сюжету – представления и отношение крестьян о коммунистах. Так, в отчёте начальника Новониколаевской уездной рабоче-крестьянской милиции с 6 по 13 апреля отмечалось: «Общее политическое настроение населения за отчётное время спокойное, но есть недовольство на почве принудительной развёрстки хлеба и враждебное отношение <...> к коммунистической партии, слышен даже такой ропот, что “Советская власть нам нужна”, а “коммунистов” не надо, они хотят забрать наш хлеб, а сами делать не хотят, в этом отношении видимо сильную роль играют остатки колчаковцев, пуская в тёмной деревенской массе контрреволюционные слухи»²⁸.

В селе Хмелевском Барнаульского уезда 9 февраля прошло собрание, на котором обсуждалось участие в неделе фронта и транспорта. Во время собрания один крестьянин задал вопрос: «Кому мы будем жертвовать? Большевикам или большевикам-коммунистам? Там в городе, говорят, две партии. А в коммунистах состоят буржуи»²⁹.

Как видим, в принципе ничего критического не отмечается, недовольство есть, но связано оно со слухами о коммуне и коммунистах, которых крестьяне, наверняка, сами не видели.

Конечно, волнуют крестьян разные проблемы – от эпидемий тифа до обмена аннулированных колчаковских денег. В докладе в Томский (Новониколаевский) ревком 28 февраля сообщалось о проблемах с учётом беженцев; о кооператорах, которые под видом служащих в органах заготовок отлынивали от общественных работ. Отмечалось, что «борьба с тифом поставлена неудовлетворительно», поскольку посланные губздравом отряды бездействовали из-за недостатка медикаментов и оборудования. Но, как заверял составитель доклада, был сделан «некоторый нажим», в результате чего, например, в Коченёво за один день был оборудован госпиталь на 50 кроватей, а к сбору пожертвований привлечены учителя. Что касается сбора продовольствия, то докладчик честно признал: «Продовольственный вопрос – или вернее заготовки заставляют желать лучшего. Общее впечатление – нет плана, нет согласованности, нет социалистичности, заготовки ведутся старым рутинным методом – через подрядчиков. Во-первых, ведутся закупки кооперативами, заключившими с губпродкомом контракты; с другой стороны заготавливают опродкомы и, с третьей, считают своим долгом купить всё, что возможно, проходящие воинские части. Таким образом создаётся несогласованность действий и конкуренция, что

²⁷ Там же. Л. 47.

²⁸ ГАНУ. Ф. Р-1141, оп. 1, д. 26, л. 52.

²⁹ Алтайский коммунист (Барнаул). 1920. 27 февр.

сбивает с толку крестьян. Собственно говоря, правильного заготовительного аппарата нет, так как при таких условиях никакого учёта произвести нельзя»³⁰.

Среди проблем деревни этого периода уже упоминалось выгонка самогонки и пьянство, которые считались крестьянами проявлением «завоёванных свобод». Вот что сообщали упоминавшиеся выше инструктор Анатолий и Ерушев: «В деревне Панюшево процветает поголовное пьянство. Стоит 25-й кавалерийский полк. Собрали большой митинг, на котором вынесена резолюция <...> Командный состав в полку ненадёжный, пьянствует и тем подаёт скверный пример партизанам. После проведённых митингов партизаны обещали бороться с пьянством. Настроение в деревне неважное, вылезают кулаки и попы, ведёт антисоветскую агитацию, женщины-крестьянки не идут на собрание. Боевому приказу партизаны подчинились. Заметно, что среди них ведётся определённая контрреволюция. Кооперация спекулирует и ведёт агитацию против хлебной развёрстки. В полку имеется довольно сильная ячейка количеством в 60 человек, с которой необходимо установить тесную связь»³¹.

Все приведённые выше факты свидетельствуют об определённом уровне недовольства крестьян. Однако они связаны не с новой властью, а находятся совсем в другой плоскости – демагогии относительно свободы выгонки самогонки и борьба власти против этого.

Рассмотрим ещё один аспект жизни сибирской деревни после окончания Гражданской войны. Речь идёт о политических организациях в деревне, в частности, были ли эсеровские партийные ячейки в сибирской деревне в 1920 г.? Основным источником о деятельности эсеров в деревне являются разного рода отчёты и сводки чекистов, а также материалы следственных дел о крестьянских восстаниях и деятельности отдельных представителей эсеровской партии. Что касается Сибири, то здесь в первую очередь исследователи обращаются к деятельности «Крестьянского союза» на Алтае. Проанализировав материалы, относящиеся к «Крестьянскому союзу», исследовательница М.А. Осипова пришла к выводу, что поскольку подавляющее большинство арестованных и допрошенных по делу «Крестьянского союза» были беспартийными, то говорить об эсеровском составе и руководстве «Крестьянского союза» нет никаких оснований³². С этим можно согласиться, но обращает на себя внимание тот факт, что программа и лозунги «Крестьянского союза» совпадают с основными положениями эсеровской программы. Поэтому необходимо разделить два понятия – эсеровское влияние и руководство среди крестьян Сибири и эсеровскую сущность крестьянских требований. Что касается последних, то эсеры, разрабатывая свою программу, исходили из крестьянских требований, поэтому они в большей части совпадают. Кроме того, можно проанализировать программу так называемого «Крестьянского союза» как специфическое отражение крестьянских настроений после окончания Гражданской войны.

Так, допрошенный Алтайской губчека в декабре 1920 г. по делу «Крестьянского союза» эсер В. Игнатьев рассказал следующее: «Идея организации Крестьянского

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1137, оп. 1, д. 7, л. 112.

³¹ Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 12, л. 56, 57.

³² Осипова М.А. К вопросу о роли партии эсеров в организации Крестьянского союза в Алтайской губернии в 1920 – 1921 гг. // Наука и современность. 2010. № 6-1. С. 140–144.

союза возникла у меня в марте текущего года. До этого времени первоначальные действия авангардов Советской власти позволяли думать, что возможна культурная работа при существовавших условиях политической жизни. В дальнейшем пришлось убедиться, что дело не в тех или иных отдельных действиях органов Советской власти, а в определённой системе, проведение которой с моей точки зрения, только и может привести к полнейшему разорению страны и подчинению иностранному владычеству. Я стал искать выхода из создавшегося положения и увидел его в следующих положениях: прекратить внутреннюю гражданскую войну может только власть, опирающаяся не на насилия, а на право народное, а, следовательно, только народная власть и может вывести страну из хозяйственного тупика; совершить это дело – создание народной власти – может только класс, являющийся большинством населения, т.е. крестьянство <...> для крестьянства, обладающего 97 % голосов, созыв Учредительного собрания означал бы только видоизменение его собственной, крестьянской власти <...> Органами Крестьянского союза должны были стать: крестьянские думы, управы, крестьянские съезды уездные и губернский – они же органы временной власти. Отношение Крестьянского союза к выполнению развёрстки – отрицательное, так как она берёт у крестьян необходимые для жизни продукты, сокращает и без того сокращённую посевную площадь»³³.

Легко убедиться, что данные требования вновь повторяют эсеровскую идею «третьего пути», отличного от диктатур буржуазии и пролетариата. Эсеры пытались реализовать эти требования летом 1917 г., потом летом – осенью 1918 г., но всё окончилось в первом случае установлением диктатуры пролетариата, во втором – диктатуры буржуазии. Но при этом нельзя упускать из виду тот факт, что эти требования выдвигали и сами крестьяне, формулируя лозунги типа «Учредительного собрания» и «За Советы без коммунистов».

Вот перед нами манифест «Трудового крестьянского союза Сибири», появившийся летом 1920 г. Авторы манифеста призывали крестьян «встать с оружием в руках под знаменем Крестьянского союза против изменнической, самозванной, насильнической власти коммунистов-большевиков», коммунисты объявлялись врагами народа и предателями отечества. С новым эксплуататорским коммунистическим государством, в котором платят гроши, а жируют комиссары, призывались и рабочие³⁴.

Созвучно этому обращение партизанского вождя Кравченко к крестьянам Енисейской губернии, появившееся в апреле 1920 г.: «Со всех сторон я только и слышу, что дождалось, мол российских товарищей, дождалось коммуны и т.д. Что это значит? А это то, что буржуазия и её приспешники, рассчитывая на нашу бессознательность, хотят всякими тёмными слухами всё хорошее оклеветать и забрызгать своей ядовитой слюной всё светлое, что принесли с собой наши российские братья. Гады, рассчитывая на наше невежество, хотят подорвать наше недоверие друг к другу, заставить нас относиться враждебно, а самим половить рыбку в мутной воде. Разве не их рук дело то, что в некоторых местах крестьяне прячут хлеб и стараются не показать его, а закапывают в землю. Разве не их рук дело – гнусная клевета на меня и Щетинкина, что будто бы мы хотели предательски изменить своим товарищам и

³³ ГАНО. Ф. П-1, оп. 9, д. 15а, л. 282, 283.

³⁴ Там же. Л. 287.

в тылу поднять восстание, и ещё много других подлостей было пущено в ход, чтобы нас поссорить и разъединить. Разве не они пустили клевету, что я и Щетинкин бо-ролись за Учредительное собрание, и тем самым породили к нам недоверие. Ведь вы знаете, что я поднял восстание с лозунгом “Вся власть трудовому народу в лице их Советов”»³⁵.

Эти же требования изложены в приказе по Енисейскому партизанскому отряду атамана Каверина в мае 1920 г. Он сообщал, что он занял станицу Торгашино и заимку Кузнецова, что «комиссары и коммунисты, сознательно работавшие продол-жительное время и предавшие нашу несчастную родину в угоду жидам, арестованы и преданы смертной казни». В программе атамана значились разгон коммун и ком-мунистов, отмена денежной аннуляции, право свободной торговли продуктами, право на мелкую земельную и частную собственность, обложение прогрессивным налогом имущего класса³⁶.

Итак, перед нами достаточно сложный феномен, не сводимый ни к провокациям и фабрикациям со стороны чекистов, ни к эсеровскому влиянию в деревне. Сами крестьяне требовали «третий путь» и «Советы без коммунистов», эсеры же только подхватывали эти лозунги и с их помощью пытались организовать и поднять де-ревню против «диктатуры комиссаров». И хотя сама эсеровская партия уже не поль-зовалась широкой популярностью у крестьян, тем не менее их лозунги и программ-ные требования порой находили отклик в сибирской деревне.

Обратимся теперь к главной проблеме сибирской деревни – сбору продраз-вёрстки. Напомним, что в советской историографии эта проблема трактовалась с позиций примитивного марксизма – кулаки были против развёрстки, а бедняки – «за». В постсоветской историографии эта тема приобрела новое звучание – теперь всё крестьянство было однозначно против большевиков и их попыток «ограбить» деревню. В обоих случаях исследователи исходили не из анализа того, что проис-ходило в деревне, а занимались интерпретацией идеологических штампов и подбо-ром для этого соответствующего фактического материала. А поскольку основным источником «фактов» в обоих случаях служили разного рода сводки, то выводы их составителей и становились основой для «исторических» построений.

Настроения крестьянства в сибирской деревне необходимо рассматривать не только в связи с продовольственными мероприятиями Советской власти в 1920 г., но и в более широком хронологическом контексте. Безусловно стоит обратить вни-мание на то, что крестьяне выступали не только против продразвёрстки в 1920 г., но и против попыток «народных» эсеровских правительств летом – осенью 1918 г. проводить заготовки продовольствия и мобилизации. Дело здесь в мелкобуржуаз-ной природе крестьянства, выступавшего против всякой диктатуры – как пролета-риата, так и буржуазии.

Давайте внимательно прочитаем сводки о настроениях в сибирской деревне, ко-торые составлялись ещё до начала масштабной продразвёрстки. Вот перед нами сводка Тюменской губчека о настроениях крестьян за период до 15 января 1920 г.: «Настроение крестьяне не везде удовлетворительно. В Бешкильской волости Ялу-торовского уезда <...> местное кулачество открыто выступает против Советской

³⁵ Бюллетень Минусинского уездного ревкома и уездного комитета РКП(б). 1920. 22 апр.

³⁶ ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1607, л. 4, 5.

власти, говоря на собраниях, что вам скоро будет конец, за ними идут малосознательные крестьяне, недовольные сдачей излишков хлеба. Щороховская волость Ялуторовского уезда. Члены местного исполкома просят снять с них обязанность ввиду общего недовольства крестьян названным постановлением о добровольной сдаче излишков хлеба. Местное кулачество группирует около себя малосознательных крестьян и требует от означенного исполкома отмены этого постановления. В Березовском и Сургутском уездах ввиду дальности расстояния и плохой информации до середины декабря в уездах был городской голова и местная дума, которые в настоящее время ликвидированы. Остатки белых банд пытались провести мобилизацию среди крестьян. Послан экспедиционный отряд для ликвидации их, и в настоящее время положение вполне удовлетворительно»³⁷.

Практически идентичная по содержанию сводка составлена из сведений, полученных от контрразведки по Тюменскому уезду с 1 по 11 февраля 1920 г. В ней отмечалось: «В Червишенской волости в селе Червишеве происходило бурное собрание граждан, все поголовно недовольны и против Советской власти на почве выкачки хлеба и скота, весьма волнуются. Есть главари, которые выясняются. В Вележинской волости в деревне Тюлеве крестьяне недовольны местной организацией: “Если так будут работать, то народ выступит против Советской власти, потому что ничего необходимого и продуктов не выдают: соли, мыла, ситцу, спичек и т.п. А им давай ежедневно подводы и хлеб, за что же мы будем терпеть это”, – говорит крестьянин деревни Тюлева Пичуев и повторяли другие»³⁸.

Эти настроения и отношение к власти сложились в губернии, где раньше всего начали собирать продрозвёрстку. По мере распространения этой политики на другие сибирские губернии, там фиксируются те же настроения. Так, член агитвоенпродотряда Фомин рассказал о действиях отряда в Омском уезде в мае 1920 г.: «Отряд численностью в 150 человек, посланный в уезд для выполнения хлебной развёрстки, был разбит на отдельные тройки, которые работали в какой-либо волости или селе. Фомин, работая всё время в Полтавской волости, заметил, что в общем бедняки и середняки всецело стоят за власть Советов. Кулаки же наоборот ведут антиреволюционную агитацию, вроде “Коммунисты до дела не доведут, только хлеб отберут” и т.п. Поймать какого-либо кулака не представляется возможным, так как они, прячась от антихристов (коммунистов), своим односельчанам говорят: “Только попробуйте вы сдать нас, мы вас тогда при перевороте всех перевешаем”. Крестьяне стоят в тупике: с одной стороны, они за Советскую власть, с другой – боятся грядущей бани. Крестьянская масса темна и сера. В политической обстановке разбираться не может. Вследствие плохой осведомлённости носятся самые нелепые слухи, и борьба с этими слухами невозможна ввиду полного отсутствия какой-либо литературы и политработников»³⁹.

В сводках Омской военной цензуры приводилась следующая выдержка из солдатского письма к родителям: «Если хлеб ещё не реквизировали, то расходуйте на прокормление свиней, а то всё равно хлеб заберут»⁴⁰.

³⁷ Российский государственный военных архив (РГВА). Ф. 17718, оп. 1, д. 61, л. 50

³⁸ Там же. Л. 34.

³⁹ Там же. Ф. 17529, оп. 1, д. 50, л. 23.

⁴⁰ Там же. Ф. 16, оп. 2, д. 78, л. 16.

В сводке информационно-инструкторского подотдела Сибревкома в мае 1920 г. также отмечалось: «Омский уезд. Настроение население хуже, чем было после прихода красных войск. Население недовольно развёрсткой. Во многих волостях принимаются резолюции, в которых крестьяне отказываются выполнять развёрстку, пока не выдадут мануфактуру. В ревкоммах в большинстве работают кулацкий элементы, а беднота не идёт из-за низких ставок. Замечается мягкотелость работы чека, которая возмущает преданные Советской власти пролетарские элементы деревенской бедноты. Между комячейками и местным населением часты конфликты на почве борьбы с кулаками, пьянством, а иногда и на непонимании ячеек своих задач. Тюкалинский уезд. Масса населения питается всякими вздорными слухами и не идёт навстречу советским мероприятиям, заготовке дров, развёрстке хлеба и скота, обсеменению полей и т.п., крестьяне предпочитают хлеб гнать на самогонку, чем сдавать его в казну по твёрдым ценам, милиция же не только скрывает самогонщиков, но даже с ними распивает»⁴¹.

Посмотрим теперь на настроения крестьян в Восточной Сибири. Так, в сводке Ачинского уревкома за первую половину мая 1920 г. отмечалось: «Население, за исключение кулацких элементов к Советской власти относится сочувственно, причём есть некоторое недовольство, например в Николаевской волости крестьяне недовольны тем, что отбирают хлеб по твёрдым ценам и не получают товара, т.е. мануфактуры <...> В Новосёловской волости крестьянство было недовольно реквизицией хлеба агентами 51-й дивизии 5-й Армии Восточного фронта. Мотивы недовольства – сами останутся без продовольственного и семенного хлеба. В Ужуре преобладающее население – кулаки и спекулянты ведут себя вызывающе <...> В Берёзовской волости население недовольно распоряжением о развёрстке скота, более богачи. В Ильинской волости настроение населения обострилось недовольством против партийной ячейки, которая производила аресты некоторых граждан, даже восставших первыми против колчаковской власти. Идея ведения хозяйства коммунальным способом плохо приживается среди населения вообще. “Коммуна” под влиянием пропаганды кулаков представляется населению каким-то страшилищем и переубедить их очень трудно»⁴².

В сводке Енисейской губчека за май 1920 г. по Минусинскому уезду отмечалось: «Крестьяне во многих сёлах явно не повинуются распоряжениям властей, говоря, что эта власть хуже, чем была раньше, на самых высших должностях сидят евреи, немцы и опять приказы, и опять мучают нас. Ревкомы работают вяло. Нет работников. Замечается и со стороны щетинкинцев, расквартированных в Бейской волости, явное недовольство, что им не дают грабить, к чему они привыкли, говоря: “Нас при Колчаке грабили и отбирали всё, а нам не позволяют”»⁴³.

В сводке о состоянии Томского уезда за первую половину мая 1920 г. отмечалось: «Иштанская волость. Отношение к власти крестьян пропитано недоверием и запуганностью. Все мероприятия коммунистического духа воспринимаются вяло, разбиваясь о специфическую подкладку крестьянских понятий. Интерес к событиям наших дней, мало затрагивают население, распыляясь в сфере материальных

⁴¹ ГАНО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 254, л. 220.

⁴² Там же. Д. 204, л. 146

⁴³ Там же. Д. 186, л. 85.

требований и устремлений. Бобарыкинская волость. Население волости переживает момент постепенного разложения. Пустота революционных запросов под покровом реакции и спекуляции грубо внедрились в сознание крестьян, проявляясь подчас в совершенно ненормальных явлениях, смешанных с отзвуками подлости и недоброкачественности. Отношение к власти враждебное, пропитанное злобой ко всякого рода мероприятиям. Все зависящие от томских уревкома и парткома меры приняты, не достигнув намеченных целей»⁴⁴.

30 мая 1920 г. Стрелецкий сельский Совет Тоя-Монастырской волости Новониколаевского уезда единогласно постановил: «Ввиду того, что мы отдавали под армию скот по развёрстке два раза по твёрдым ценам, возили дрова в Новониколаевск, ездили дрова пилить в деревню Белоглинку, но мы ничего не получили: ни мануфактуры, ни хлеба, ни соли, спичек и мыла, в чём мы очень нуждаемся. Дайте или укажите, где взять. Просим исходатайствовать наше безвыходное положение»⁴⁵.

Заведующий Мариинским урабкрином Третьяк сообщал в томский губернский отдел РКИ: «Развёрстка протекает неудовлетворительно, благодаря главным образом контрреволюционной деятельности шаек, бывших партизан и некоторым неправильным действиям упродкома»⁴⁶.

Как видно из приведённых сводок (напомним, они не должны являться единственным источником реконструкции крестьянских настроений, поскольку фиксируют только факты недовольства крестьян), отношение крестьян к власти не было антисоветским или антибольшевистским. В одних местах проявлялось партизанское прошлое с их лозунгом «отнять и поделить», в других крестьяне настаивали на паритетном товарообмене с новой властью, в третьих – просили власть предпринять хоть что-то, чтобы обеспечить их товарами первой необходимости.

Недовольство порой переходило в сопротивление продовольственной политике власти. Однако оно принимало разные формы. Одной из них была упоминавшаяся выше перегонка хлеба на самогон. Так, И. Зобачёв в барнаульской газете ярко описывал состояние алтайской деревни: «Тёмной стороной деревни продолжает быть самогонка. Самогонки в деревнях “море разливное”, как пишет один корреспондент, самогонкой опиваются все: старики, женщины, дети; пьют “по поводу” и без всякого “повода”. Уезжает человек из деревни на две недели – пьют, приезжает обратно – опять пьют. На другой день отгуливают, на третий – сосед ответно зовёт к себе, на четвёртый – “свежая” поспела: надо пробовать и так без конца <...> Под влиянием самогонки иной раз много безобразий чинят приезжающие в деревню на побывку солдаты. Они полагают, что им всё позволено, и они разъезжают по деревням пьяные, не отдавая отчёта в том, что делают. Местные власти порой бессильны бороться с самогонкой, а изредка не прочь и сами упиться этим зельем»⁴⁷.

Подтверждает эту информацию и сообщение корреспондента этой же газеты: «Деревня Сидоровка Завьяловской волости Барнаульского уезда окончательно спивается. Почти каждый крестьянин имеет свои “аппараты” для выгонки самогонки. Недавно милиция отобрала у жителей 16 аппаратов, сдала их сельскому комитету

⁴⁴ Там же. Д. 300, л. 136.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-1567, оп. 1, д. 1, л. 24.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-288, оп. 1, д. 14а, л. 6.

⁴⁷ Алтайский коммунист (Барнаул). 1920. 2 апр.

на хранение. На другой день сидоровцы собрались на сход и стали обсуждать вопрос о том, что такая, де, это свобода, когда своим хлебом распоряжаться не дают. Другие просто открыто говорили: «Да какое же кому дело, что я варю самогонку». Другие подхватывали. И вот, в результате постановили: «Аппараты раздать обратно хозяевам и не запрещать выгонку самогонки»⁴⁸.

Корреспондент новониколаевской газеты писал в конце мая 1920 г. из деревни Усть-Иня Каменской волости: «У нас в деревне находится масса тёмных личностей, укрывающихся от трудовой повинности, которые ведут злостную агитацию против Советской власти. В деревне нет комячейки, беднота так загнана и запугана кулаками-мироедами, что нет возможности выяснить кто в деревне не имеет права голоса при выборах в Совет: за самогонку, за спекуляцию, за пользование наёмным трудом <...> Глава деревни, председатель и секретарь ревкома, в день выборов были до того пьяны, что председатель не мог прийти на собрание, а пришёл уже почти ночью, когда проспался; секретарь же присутствовал только в виде мебели. По словам стоящих в деревне красноармейцев, председатель революционного комитета мешает организации ячейки. Хлеба по развёрстке крестьяне Усть-Ини не имеют, а вот для самогонки находится... и чуть ли не в каждом доме сжигают ежедневно пудами»⁴⁹.

Начальник Новониколаевской уездной рабоче-крестьянской советской милиции в сводке за 8–15 июня 1920 г. сообщал, что в некоторых деревнях замечается брожение среди крестьян против коммунистов в связи с непониманием задач коммуны, крестьяне боятся, что ячейки отнимут имущество и раздадут его неимущим. Также выбрасываются лозунги: «Долой коммунистов, да здравствует анархия». Отношение населения к милиции кроме самогонщиков хорошее, население уже не смотрит на милицию как в колчаковские времена, самогонщики же стараются забрасывать милицию грязью. Население скрывает самогонщиков и препятствует уничтожению самогонки, бороться с этим злом двум – трём милиционерам в волости невозможно⁵⁰.

В следующем донесении за 23 июня – 1 июля начальник сообщал, что в деревне Владимировка сильно развито пьянство, и население в пьяном виде ругает Советскую власть нецензурной бранью⁵¹.

Корреспондент новониколаевской газеты делился своими впечатлениями о деревне Старый Каяк Иткульской волости: «Приехав ночью 28 мая, я был удивлён необычным явлением – в будничные день деревня приняла праздничный вид: по улице деревни ходят толпами пьяные обнявшись, мужчины и женщины и молодое поколение; катаются по деревне на хороших лошадях с песнями, шум, гам, гармоника <...> казалось, что деревня эта переживает ещё старое николаевское время; самогонка, как николаевская водка, льётся рекой. Против дома председателя сельского исполкома громадный дом деревенского кулака, в нём пьянство вовсю, разгул

⁴⁸ Там же. 7 апр.

⁴⁹ Дело революции (Новониколаевск). 1920. 26 мая.

⁵⁰ ГАНУ. Ф. Р-1141, оп. 1, д. 26, л. 86.

⁵¹ Там же. Л. 94.

в полном разгаре, а председатель спит себе спокойным сном, и до пресечения подобного безобразного разгула как будто ему и дела нет, видимо, пьянство у них в деревне настолько обычное явление, что они на него и не обращает внимания»⁵².

Помимо пассивного сопротивления – укрывания хлеба или перегонки его на самогон, в апреле – мае 1920 г. начали вспыхивать открытые выступления крестьян. Так, в сводке по Канскому уезду Енисейской губернии отмечалось: «Настроение населения северной части уезда вполне удовлетворительно. Крестьяне приветствуют создание сельского хозяйства на новых началах и имеют правильное представление о сельскохозяйственных коммунах. По всему уезду ощущается большая нужда в фабрикатах городской промышленности. Несколько понижают благоприятное настроение населения действия проходящих воинских частей, забрасывающих крестьян требованиями на подводы, фураж и хлеб. Несколько хуже обстоит дело в южной части уезда. В апреле было несколько случаев контрреволюционных выступлений. Так, 14 апреля в Касьяновской волости было поднято восстание, которое было разогнано без кровопролития. Арестовано 15 человек самых ярких подстрекателей. В Балайской волости – 6 человек самогонщиков хотели силой удалить с сельского собрания членов партийной ячейки. Кроме того за последнее время в уезде участились случаи убийств и пожаров. Всё это говорит о том, что в южной части уезда царит засилье кулачества и контрреволюционного элемента, который всеми мерами старается внести разлад в жизнь деревни и всячески противодействует советскому строительству»⁵³.

В начале мая 1920 г. в Евсинской волости Ишимского уезда началось крестьянское восстание. 10 мая распоряжением Ишимской уездной чека был выслан отряд в 60 человек от 47-й бригады⁵⁴.

В информационной сводке по Алтайской губернии за июнь 1920 г. отмечалось, что в селе Буланиха и других близлежащих сёлах наблюдается глухая агитация против коммунистов на почве недовольства хлебной и мясной развёрсткой. На приисках по верховьям реки Лебеди появился отряд до 100 человек, ликвидация которого поручена помощнику начальника Бийской уездной милиции⁵⁵.

8 июня председатель Алтайской губчека И.И. Карклин сообщил в ВЧК, что в Бийском уезде повстанцами заняты волость и село Ельцовское. В Славгородском уезде при выборах в Советы вспыхнуло восстание в селе Зубково. Из Семипалатинска дезертировало несколько кавалеристов-партизан, которые с оружием в руках направились в Каменский уезд⁵⁶.

Однако характерно, что алтайское крестьянство не поддержало выступление Рогова, который рассчитывал на массовое движение крестьян, и в итоге его отряд превратился в грабительскую шайку⁵⁷.

⁵² Дело революции (Новониколаевск). 1920. 6 июня.

⁵³ ГАНО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 298, л. 3.

⁵⁴ РГВА. Ф. 42, оп. 1, д. 1896, л. 13; д. 1886, л. 7.

⁵⁵ ГААК. Ф. Р-9, оп. 1, д. 83, л. 41.

⁵⁶ Сибирская Вандея. Вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. С. 162.

⁵⁷ Подробно см.: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма” (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 289–310.

Так, в политсводке по частям 26-й стрелковой дивизии о сводной группе, действовавшей против Рогова, за 13 мая отмечалось: «10 мая. Снабжение продовольствием, фуражом неважное из-за разбросанности по маленьким группам частей. Приходится из-за этого выдавать деньгами на продовольствие и фураж. Сильно сказывается отсутствие мелких разменных монет. Крестьяне определённо стараются занять нейтральное положение <...> Противник привлекает к себе потаканием дурным инстинктам – самогонке»⁵⁸.

В политсводке по частям 26-й стрелковой дивизии 20 мая отмечалось: «Настроение местного населения хорошее. Большая часть крестьян относятся враждебно к Рогову»⁵⁹.

Роговское выступление не переросло в массовое восстание против Советской власти, хотя Рогов и получил определённую поддержку со стороны крестьянства. В сводке информационно-инструкторского подотдела Сибревкома за май 1920 г. по Барнаульскому уезду отмечалось: «Политическое настроение не везде одинаково. Там в округе, где действовали отряды Рогова, отношение к Советской власти враждебное. Роговым проповедуются идеи анархизма. Кроме этого округа есть другие <...> [где] крестьяне волнуются, о коммунистах упоминать нельзя. Но в большей своей части уезд настроен в пользу Советской власти, идеи коммунизма тоже начинают приживаться, образованы сельскохозяйственные коммуны, ячеек РКП(б) открыто более 300 <...> Общее экономическое положение уезда едва ли можно считать удовлетворительным: некоторые районы страшно разорены, некоторые не могут выполнить развёрстки хлебным продуктом. Товаров нет совершенно. Особенно остро чувствуется недостаток в коже и масле»⁶⁰.

В политсводке политгруппы при отряде Алтайской губчека 5 июня 1920 г. отмечалось: «Собрание крестьян деревни Старо-Копыловой <...> Настроение колеблющееся. А именно потому, что крестьяне не видят реальной Советской власти, масса задавалась вопросов следующего характера: а, главное, говорят, что пока вы здесь находитесь, то можно работать Совету и т.д., но как только вы уедете, то роговцы придут и погубят нас всех. Видно <...> что крестьяне очень напуганы, помнят партизанское движение до настоящего времени»⁶¹.

30 июня начальник отряда Мешков докладывал начальнику штаба 87-й бригады Бочманову: «Секретарь ячейки села Ермачиха той же волости Каменского уезда Сысоев передал <...> что в деревнях Кадниково, Вулканское, Ермачиха, Грамотино обнаружена контрреволюционная организация, организаторами которой являются Сучкин и Гладышев, бывшие служащие земства, в их организацию вливаются дезертиры, главари агитируют против коммунистов. Население пошло за ними. 28 июня у них был съезд, и решили вырезать всех коммунистов, сочувствующих и милицию. Если не будет подкрепления через 3 дня, то ячейка и милиция будут вынуждены бежать <...> Сегодня ночью Ткаченко был в деревне Беловой под видом бандита, приняли его с распростёртыми объятьями <...> в деревне Беловой власти никакой нет. Бандитам помогают крестьяне чем возможно, в отряд Чайникова дано 70

⁵⁸ РГВА. Ф. 1317, оп. 1, д. 354, л. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

⁶⁰ ГАНУ. Ф. Р-1, оп. 1, д. 254, л. 220, 221.

⁶¹ РГВА. Ф. 1317, оп. 1, д. 321, л. 133.

лошадей, также снабжаются продовольствием <...> В банду влилось из названного села 80 человек»⁶².

В секретной сводке Сибревкома за первую половину июля 1920 г. по Минусинскому уезду отмечалось: «В Бейской волости настроение населения неудовлетворительное. Ходит очень много провокационных слухов, причём за распространение таковых был арестован сотрудник Восточно-Сибирского окружного комиссариата, приехавший в волость за покупкой продуктов для штаба. Село Сабинское отказалось выполнить развёрстку. В Ермаковской волости и в деревне Нижний Суетук население недовольно распоряжениями губпродкома, а также остро стоит вопрос с казачьими землями, крестьянам очень хочется, чтобы земли у казаков были немедленно отобраны. В Имисской волости в селе Покровском толпой избит председатель ревкома, толпа пыталась нападать и на других советских работников с криками “Долой Советскую власть”»⁶³.

Таким образом, большинство крестьян сибирской деревни не разделяло анархистских лозунгов и не было настроено контрреволюционно или антисоветски. Разумеется, на бытовом уровне крестьяне вспоминали “добрые старые времена”, но это была реакция на нестабильность во время революции, Гражданской войны и первое время после её окончания. Они критиковали советских работников и коммунистов, но это вытекало не из общего отношения к социалистическим идеям и Советской власти. Характерно и то, что крестьяне даже на бытовом уровне не выступали за частную собственность на землю. Свобода торговли, равноценный товарообмен, «своя» (то есть выборная, а не назначенная сверху) Советская власть – вот основные стремления крестьян сибирской деревни в период «военного коммунизма». Против чего выступали крестьяне? Против военно-коммунистической политики – запрета свободы торговли и изъятия у них продовольствия без соответствующей компенсации промышленными товарами. Поэтому объективная почва для крестьянских выступлений существовала до тех пор, пока центральная власть была вынуждена проводить советскую продовольственную политику в деревне военными методами, а субъективным фактором были не оправдавшиеся ожидания крестьян от новой власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1920 г.). Новосибирск, 2013.

Осипова М.А. К вопросу о роли партии эсеров в организации Крестьянского союза в Алтайской губернии в 1920 – 1921 гг. // Наука и современность. 2010. № 6-1. С. 140–144.

Сибирская Вандея. Вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997.

References

⁶² Там же. Оп. 2, д. 238, л. 15.

⁶³ ГАНУ. Ф. Р-1, оп. 2а, д. 3, л. 151.

Kokoulin V.G. Altaj v gody revolyucii, Grazhdanskoj vojny i «voennogo kommunizma» (fevral' 1917 – mart 1920 g.). Novosibirsk, 2013.

Osipova M.A. K voprosu o roli partii eserov v organizacii Krest'yanskogo soyuza v Altajskoj gubernii v 1920 – 1921 gg. // Nauka i sovremennost'. 2010. № 6-1. S. 140–144.

Sibirskaya Vandeya. Vooruzhyonnoe soprotivlenie kommunisticheskomu rezhi-mu v 1920 godu. Novosibirsk, 1997.